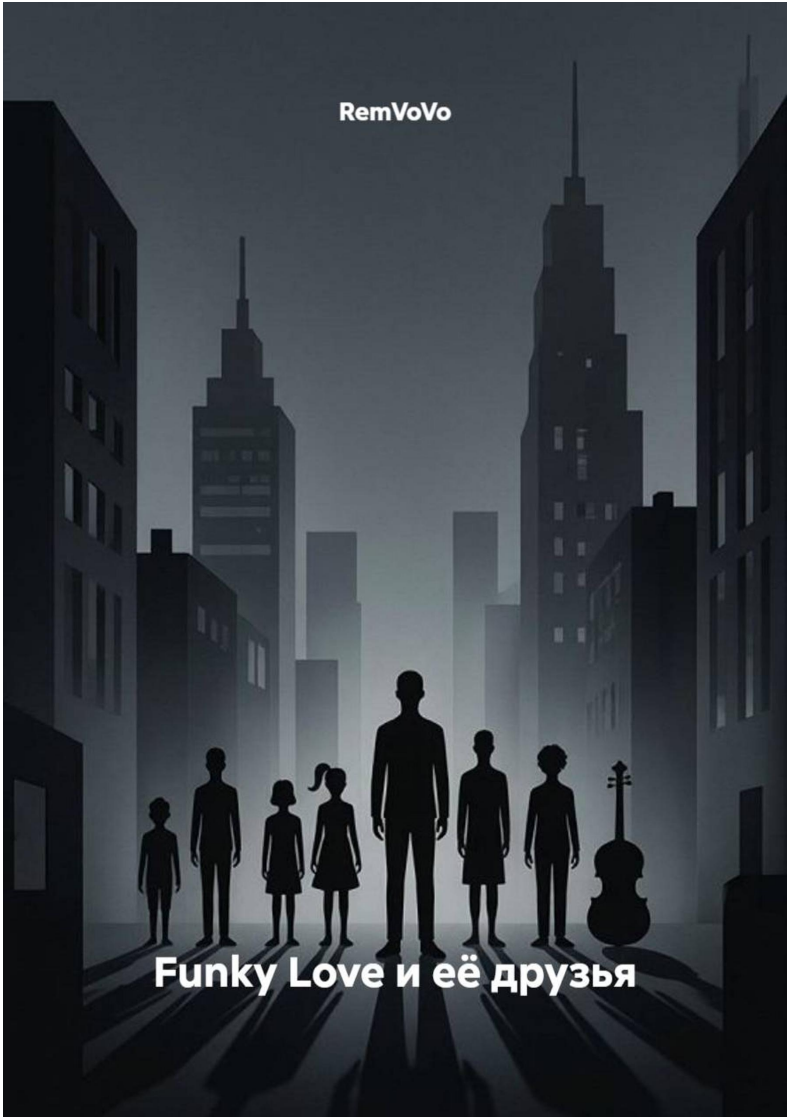
RemVoVo

Funky Love и её друзья

RemVoVo RemVoVo

Funky Love и её друзья

https://litres.ru/74710072
SelfPub; 2026

Аннотация

В Ритмограде музыка — это жизнь. Но город сереет: таинственный Маэстро Силенсио стирает звук, даря миру «покой». Юная Фанки Лове, потерявшая свой грув, собирает бэнд из шести «сбитых с бита» одиночек. Каждый — отдельный стиль и отдельная боль. Вместе им предстоит вернуть городу ритм, услышать друг друга и понять: тишина — это тоже музыка. Главное — не бояться паузы, в которой кто-то есть.

Содержание

Пролог. Увертюра 4
Глава 1. Как Фанки собрала Грув 12
Глава 2. Первый концерт в Сером районе 24
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Funky Love и её друзья

Пролог. Увертюра

Это история про город, который умел петь.

Не так, как поют люди — голосом, горлом, связками. Ритмоград пел всем телом. Его фонари пульсировали в такт настроению улиц: если квартал был счастлив, они мигали быстро и ярко, как сердце влюблённого; если устал — гасли до тёплого жёлтого, как ночник в детской. Дождь над городом стучал по жестяным козырькам в размере семь восьмых, и старожилы говорили, что если прислушаться, можно услышать, как он меняет ритм перед грозой. Трамваи на поворотах делали «та-да-да-ДАМ» — и это было не «дзынь» рельсов, а сердцебиение. А мосты… мосты иногда танцевали. Честное слово. Когда никто не смотрел.

В этом городе жили не просто музыканты. Здесь жили настройщики — те, чей грув был настолько силён, что мог чинить реальность. Заставить уснувший завод снова гудеть. Разбудить мост. Развеять серую хмарь над кварталом, который забыл, что такое утро. Настройщики не были волшебниками. Они были людьми — с мозолями на пальцах, с простуженным горлом, с привычкой отбивать ритм по колену. Просто их ритм был громче, чем у остальных. И мир вокруг них слушался.

Но у всякой музыки есть враг.

В Ритмограде его называли Расстройкой. Это когда район теряет ритм. Не глохнет сразу — нет, это было бы слишком милосердно. Он сереет. Медленно, по кусочку, как плесень на хлебе. Сначала пропадает эхо — шаги перестают отдаваться. Потом гаснут фонари. Потом люди на улицах замирают, как статуи, и смотрят в одну точку. А потом приходит тишина. Не пауза — пауза бывает тёплой, живой, полной чьего-то присутствия. Нет. Вакуум. Место, из которого выкачали всё, включая воздух.

Расстройка — это не злодей. Это выгорание, которое стало городом. Это депрессия, которая научилась дирижировать.

И у неё есть дирижёр.

Маэстро Силенсио. Мистер Тишина. Высокий, в сером пальто без единой складки, с дирижёрской палочкой из матового стекла. Вокруг него звук гаснет, как свет в вакууме. Он не кричит, не злится, не строит козней. Он просто поднимает палочку — и район замолкает. Его «оркестр Белого Шума» — серые фигуры без лиц, играющие беззвучную музыку, — гасит ритм за ритмом. Силенсио считает, что дарит покой. Что мир слишком громок. Что музыка — это боль, и он её выключает.

Он не всегда был таким. Когда-то у него была дочь — ма-

ленькая скрипачка с растрёпанными волосами и улыбкой, от которой светлели окна. Она умерла. И с тех пор любой звук для него — напоминание. Он не ненавидит музыку. Он не может её вынести. А единственное, чего он жаждет и не может получить, — это тёплая пауза. Тишина, в которой кто-то есть. Не вакуум. Не смерть. Просто пауза между нотами, полная любви.

Об этом он ещё не знает. Но узнает.

А теперь — о тех, кто встанет у него на пути.

Фанки Лове — девушка с копной кудрей, в которых сегодня розовые пряди, а завтра золотые. Восточный тип лица, миндалевидные глаза с искринкой, серьги-диско-шары, клёш, платформа, блёстки. Она смеётся первой и громче всех, и её оптимизм — это не характер, это оружие. Потому что внутри у неё — глубокая, ранимая тишина, в которую она не даёт никому заглянуть. Фанки слышит ритм во всём: в шагах, в дожде, в страхе, в сердце. Она видит, где мир сбился с бита, — и настраивает его обратно. Это её дар. Её проклятие — в том, что она не выносит покоя. Заглушает грувом собственную грусть. Боится остановиться, потому что в паузе живёт старая боль. Когда-то она уже теряла грув — после исчезновения наставника, Дяди Бума. И с тех пор боится, что однажды музыка просто не придёт. Она — сердце и клей бэнда. Голос. Бас-гитара «Любовь-4000». И фраза,

которую она повторяет как заклинание: *«Если мир сбился с ритма — мы его настроим!»*

Бруно Бароне — гора-человек под два метра, борода как у пирата, фартук поверх гавайской рубашки, бас-гитара размером с контрабас. Добрейший гигант, который кормит всех и хохмит без остановки. Его бас-линия физически двигает предметы — от тарелок до домов. Его слабость — он не умеет говорить «нет». Берёт чужие беды на свои плечи, а потом удивляется, почему спина болит. Его первый бас — «Старая Мадам» — сделан из двери бабушкиного дома на Гаване. Он не играет на нём с тех пор, как бабушки не стало. А ещё на этой двери вырезан странный узор — знак тех, кто держит. И этот знак Фанки однажды увидит в самом сердце Серого района.

Юки Танака — строгое каре с неоново-голубой прядью, очки с голограммой, движения точные, как секвенсор. «Мозг» звучания бэнда. Спокойная, ироничная, говорит мало и метко. Перфекционистка до мозга костей. Её дар — «перепрошивать» механизмы под музыку: от лифта до дрона. Её слабость — не умеет импровизировать при людях, боится ошибки. Живёт по сет-листу. А по ночам пишет нежные акустические баллады и прячет их в папке «черновики_не_слушать». Потому что однажды, в девять лет, ей сказали: «Это не музыка. Это эмоции». И она поверила.

Айлэ — смуглая, косы с монетами и бусинами, одежда цвета песка и заката, босиком даже зимой. «Земля даёт бит»,

— говорит она. Дикая, свободная, смеётся телом. Не понимает слов «расписание» и «крыша». Её дар — слышать ритм ветра и песка; её танец поднимает настоящий ветер и развеивает серую хмарь. Её слабость — панически боится больших закрытых городов, стеклянных башен, где «ветер не дышит». А её секрет — она пришла в Ритмоград не за музыкой. Она ищет брата. Тарик ушёл в город два года назад — и пропал в Сером районе. Она видела его однажды. В стеклянной башне. Серого. Беззвучного. И с тех пор не может спать.

Горди «Хайленд» МакГрай — рыжий, бородатый, в килте поверх джинсов («килт — это тоже бас-линия, только из шерсти»), с татуировкой нотного стана на плече. Волынка и электрогитара. Упрямый как скала, вспыльчивый, преданный до конца. Его волынка будит — людей, механизмы, уснувшие районы. После его соло невозможно спать. Его слабость — не признаёт, что неправ, копит обиды, как коллекционные пластинки. А секрет — в юности его освистали на главной площади. С тех пор он играет «назло тишине». И до сих пор, выходя на площадь, смотрит в третий ряд, где когда-то сидели те, кто смеялся.

Тепо «Ацтек» — тихий, смуглый, с узором из барабанных палочек на предплечьях, с обсидиановым амулетом на шее. Двигается бесшумно. Говорит притчами. Улыбается редко, но всякий раз — по делу. Его дар — видеть духов ритма, существ, живущих в каждом звуке города. Он может с ними договориться. Или усовестить. Его слабость — слишком ча-

сто слушает других духов и забывает про свой голос. А секрет — он разговаривает со своими барабанами как с живыми. И они отвечают. Он боится, что однажды они попросят отпустить их. И он не сможет.

МС Вихрь — кепка задом наперёд, цепь из старых монет, кроссовки со светящейся подошвой. Тысяча слов в минуту. Тараторит, шутит, фристит на ходу, душа компании. Его рифмы синхронизируют толпу — после его кричалки сто человек дышат в один бит. Его слабость — не умеет молчать и слушать, перебивает даже себя. А секрет — ведёт тайный дневник, где пишет очень тихие стихи. Без рифмы-пулемёта. Про маму, двор, детство. Он боится паузы. Потому что в паузе — он сам. А вдруг он сам — это слишком мало?

Кот Метроном — серый, с хвостом-стрелкой. Чувствует фальшь и ложь: если кто-то врёт или играет «не по правде», хвост сбивается с такта. Спит на усилителе. Приходит только когда нужен. Весь его словарь — «Тик» (иногда «Так» — это значит «да»). Но когда он говорит «Тик. Так.» дважды подряд — это значит «опасность». Настоящая.

И Дядя Бум — тот, кого нет. Наставник Фанки. Трубач, философ, человек, который когда-то знал Силенсио и его дочь. Он ушёл три недели назад — «послушать, откуда дует ветер» — и не вернулся. Но его мелодия осталась. Колыбельная про ветер, который ищет дом. И однажды Фанки услышит её в сером складе, где сидит человек в пальто без единой складки. И поймёт: всё связано. Всё всегда связано.

Это история про то, как бэнд собирается по кусочку. Как шесть «сбитых с бита» одиночек находят друг друга — не потому, что так надо, а потому, что кто-то услышал их ритм и не побоялся сказать: «Я тебя слышу».

Это история про город, который сереет. И про девушку, которая однажды потеряет грув — по-настоящему, до дна, — и ей придётся позволить другим играть для неё. Потому что спасать спасательницу — это тоже музыка.

Это история про человека, который двадцать лет гасил звук, потому что не мог вынести напоминания. И про паузу. Одну. Тёплую. Живую. В которой кто-то есть.

А ещё это история про DJ RemVoVo — Настройщика Звёзд. Мифического продюсера, который когда-то свёл ритм неба и земли. Его имя пишут на стенах как граффити-оберег. Его старую пластинку «Три Выплаты в День» Фанки хранит как талисман. Он ещё не появился. Но он уже где-то там. Настраивает звёзды. Ждёт.

Город дышит. Фонари пульсируют. Дождь стучит в семь восьмых.

Где-то трамвай на повороте делает «та-да-да-ДАМ».

Где-то кот говорит «Тик».

Где-то девушка с неоновыми прядями в кудрях приклады-

вает ладонь к груди и слушает — слышит ли она свой ритм.

Слышит.

Пока слышит.

Глава 1. Как Фанки собрала Грув

Фанки Лове проснулась от того, что город молчал.

Это было неправильно. Ритмоград никогда не молчал — он дышал, гудел, цокал, шаркал, посвистывал. Фонари на её улице пульсировали в такт настроению прохожих, дождь стучал по жестяным козырькам в размере семь восьмых, а старый трамвай на повороте всегда делал «та-да-да-ДАМ» — и Фанки знала: это его сердце, а не рельсы.

Но в это утро за окном стояла тишина. Не мягкая, не уютная — а серая, как будто кто-то выключил звук у всего квартала.

Фанки села на кровати, отбросила кудри с неоново-розовыми прядями и прислушалась. Внутри — там, где обычно жил грув, — было пусто. Как в комнате, из которой вынесли всю мебель и забыли даже эхо.

— Нет-нет-нет, — сказала она вслух. — Не сегодня. Пожалуйста.

Она попробовала напеть. Первую ноту «Любви-4000» — своей бас-гитары, стоявшей в углу, — она всегда находила в районе солнечного сплетения. Нота не пришла. Фанки потрясла головой, постучала по груди, как по старому телевизору. Ничего.

Дядя Бум ушёл три недели назад. Просто — взял свою трубу, надел шляпу с пером и сказал: «Пойду послушаю, от-

куда дует ветер, малышка. Вернусь, когда услышу что-то новое». И не вернулся. Ни слуха, ни трубы, ни даже записки.

Фанки тогда сказала себе: ничего. Она справится. Она всегда справлялась. Она улыбнулась — широко, как учил он, — и пошла играть.

А теперь город молчал, и она молчала вместе с ним.

— Так, — сказала она своему отражению в зеркале. — Мир сбился с ритма. Значит, мы его настроим. Начнём с малого.

Она надела клёш, платформы, серьги-диско-шары и вышла на улицу.

Первое, что Фанки поняла, — она не слышит людей.

Раньше она слышала всех: вот идёт женщина с сумкой на колёсиках — у неё ритм «тук-тук… пауза… тук», усталый, но упрямый. Вот мальчишка на самокате — сплошное «дрынь-дрынь-дрынь», чистая радость. Вот старик у газетного киоска — у него был ритм вальса, медленного и чуть печального.

Сейчас она слышала только собственные шаги. И они были не в такт ни с чем.

Фанки остановилась посреди улицы и приложила ладонь к груди. Внутри по-прежнему было пусто. Она сглотнула и улыбнулась прохожему в шляпе.

— Доброе утро! — сказала она. — Отличный сегодня

день, правда?

Прохожий посмотрел на неё как на сумасшедшую и ускорил шаг. Его ритм Фанки не услышала.

— Ладно, — пробормотала она. — Ладно. Не всё сразу.

Она шла по Ритмограду и слушала. Вернее — пыталась. Неоновые вывески мигали, но как-то вразнобой, будто у них сбились часы. Дождь капал ровно и бездушно, как метроном, забывший, зачем он нужен. И только где-то далеко-далеко, на самой границе слышимого, билось что-то живое — слабое, как пульс под одеялом.

Фанки пошла на этот звук.

Он привёл её к старому гаражу на углу Бульвара Бас-Лайн. Из приоткрытой двери пахло так, что у Фанки заурчало в животе: жареным чесноком, перцем, чем-то мясным и — она бы поклялась — счастьем.

Внутри, среди кастрюль размером с барабаны, стоял человек. Огромный. Под два метра, с бородой как у пирата и фартуком поверх гавайской рубашки. В руках он держал бас-гитару — не бас, а целый контрабас — и одновременно помешивал что-то в кастрюле, потому что рук у него, видимо, было больше двух.

Он играл.

И вот тут Фанки впервые за три недели что-то услышала. Не мелодию — нет. Она услышала ритм. Глубокий, тёплый,

как земля под босыми ногами. От него дрожали ложки на столе, подпрыгивали крышки кастрюль и — Фанки моргнула — сдвинулась с места табуретка.

Человек заметил её и улыбнулся так, что борода растянулась до ушей.

— О, гость! — прогудел он. — Ты вовремя. Суп почти готов.

— Я… — Фанки растерялась. — Я не за супом. Я за ритмом.

— Все за ритмом, — кивнул он. — А приходят — за супом. Садись.

— Мне некогда, у меня город молчит…

— Сначала поедим, — перебил он мягко, но так, что спорить расхотелось. — Потом спасём мир. Бас любит сытых.

Фанки села. Она не собиралась, но ноги как-то сами.

Он поставил перед ней миску. Внутри было что-то оранжевое, густое и пахнущее так, что у неё защипало в глазах. Фанки взяла ложку, попробовала — и вдруг поняла, что не ела нормально три недели. Может, больше.

— Бруно, — представился он, садясь напротив. — Бруно Бароне. Бас.

— Фанки Лове, — сказала она с полным ртом. — Вокал. И бас тоже, вообще-то. Но сейчас…

— Сейчас ты потеряла грув, — закончил он спокойно.

Фанки поперхнулась.

— Откуда вы…

— У тебя лицо, как у человека, который ищет очки, а они на лбу, — сказал Бруно. — Только грув не на лбу. Он глубже.

Она опустила ложку.

— Я не слышу город. И себя не слышу. Дядя Бум ушёл, и… — Она замолчала, потому что голос дрогнул, а Фанки Лове не позволяла себе такого при людях.

Бруно не стал утешать. Он встал, взял свою гигантскую гитару и ударил по струнам.

Пол задрожал. Миска подпрыгнула. Кастрюли ответили хором. И в этом звуке — простом, как удар сердца, — Фанки вдруг услышала: *ты не одна. Я здесь. Ритм есть, просто он ждёт, когда ты разрешишь себе его услышать.*

Она вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Вы… вы можете двигать вещи басом?

— Ага, — сказал Бруно. — Соседке как-то дом подвинул. Долгая история.

— А почему вы играете в гараже?

Он помолчал. Потом кивнул на стену, где висела фотография: женщина на веранде, а рядом — дверь, старая, деревянная, с вырезанным узором.

— Это бабушкин дом. На Гаване. Дверь оттуда — вон она, — он кивнул на футляр в углу, — моя первая «Старая Мадам». Только я на ней не играю. С тех пор как бабушки не стало.

Фанки хотела спросить почему, но что-то в его голосе сказало: не сейчас.

— Мне нужен бас, — сказала она вместо этого. — Мне нужен кто-то, кто держит низ. Без низа любой грув — просто шум.

Бруно посмотрел на неё долгим взглядом. Потом улыбнулся.

— Ты знаешь, что такое бас, девочка? Это не про ноты. Это про то, что ты держишь других, пока они летают. Ты когда-нибудь держала кого-то?

Фанки подумала о Дяде Буме. О том, как он держал её — всю жизнь, — пока не ушёл.

— Училась, — сказала она тихо.

— Тогда, — Бруно встал и протянул ей руку, — пошли. Покажешь, кого ещё надо держать.

Юки Танака жила на крыше завода «Электро-Ритм», среди проводов, пультов и абсолютной, хирургической чистоты. Когда Фанки и Бруно поднялись, она сидела за синтезатором и играла одну и ту же фразу — идеально, нотой в ноту, — снова и снова.

— Она не ошибается, — шепнул Бруно. — Вообще никогда. Это даже страшно.

— Я слышу, — сказала Юки, не поворачиваясь. Каре с неоново-голубой прядью, очки с голограммой, лицо непроницаемое, как экран в спящем режиме. — Вы топаете. Бруно — на четверть такта позже, чем нужно. Это раздражает.

— Это грув, — сказал Бруно.

— Это неточность, — сказала Юки.

Фанки шагнула вперёд.

— Юки, мне нужны клавиши. Мне нужен кто-то, кто слышит структуру, кто может собрать всё это в…

— В сет-лист? — Юки наконец повернулась. Голос ровный, вежливый, с острым краем. — Я знаю, кто ты. Фанки Лове. Девушка, которая собирает «сбитых с бита» и заставляет их играть вместе. Красивая история. Только я не сбита с бита. Я в порядке.

— Я слышу, — сказала Фанки.

— Что?

— Как ты играешь. Одну и ту же фразу сорок минут. Идеально. И ни одной живой ноты.

Юки вздрогнула — едва заметно, но Фанки увидела.

— Эмоция — это тоже данные, — сказала Юки холодно. — Просто без формата. Я работаю с тем, что можно измерить.

— А если ошибёшься? — спросила Фанки.

Тишина. Юки сняла очки. Её глаза были очень серьёзными.

— Я не ошибаюсь.

— Почему?

— Потому что если я ошибусь, — сказала Юки очень тихо, — все увидят, что я не то, что они думают. И, может быть, им это не понравится.

Фанки смотрела на неё. И вдруг увидела — не холод, а тонкую корку льда поверх очень тёплой воды. Юки играла идеально, потому что боялась сыграть *правдиво*.

Фанки подошла и положила ладонь на синтезатор.

— Юки, — сказала она. — Ошибка — это не фальшивая нота. Это нота, которую ты ещё не разрешила себе полюбить.

Юки замерла. Долго. Потом её пальцы медленно легли на клавиши — и она сыграла ту же фразу. Но в этот раз одна нота вышла чуть глуше, чем нужно. Чуть-чуть. Почти незаметно.

Юки посмотрела на свою руку так, будто та её предала. А потом — Фанки бы поклялась — уголок её губ дрогнул.

— Это… неприятно, — сказала она.

— Это живое, — сказал Бруно.

— Ладно, — Юки надела очки. — Один концерт. Если ты заставишь меня ошибиться ещё раз — я останусь. Если нет — я вернусь к своей секвенции.

— Заметано, — улыбнулась Фанки.

Айлэ они нашли на крыше заброшенной водонапорной башни в районе Песков. Она танцевала — босиком, в одиночестве, — и вокруг неё поднимался настоящий ветер. Пыль кружилась, занавески на соседних окнах трепетали, и даже голуби сидели на проводах притихшие, как зрители.

Фанки смотрела и чувствовала, как в груди что-то оттаи-

вает.

— Она не говорит «расписание», — шепнул Бруно. — И «крыша». Осторожно.

Айлэ остановилась, заметив их. Косы с монетами звякнули. Глаза сузились.

— Уходите, — сказала она. — Я не выступаю.

— Я не за выступлением, — сказала Фанки.

— За чем тогда?

— За ветром.

Айлэ замерла. Потом рассмеялась — коротко, недоверчиво.

— Ты смешная, — сказала она. — Ты пахнешь городом. Стеклом. А говоришь про ветер.

— Я слышу ритм, — сказала Фанки. — В тебе. Он как… — она прислушалась, — как дюна. Медленно сдвигается, но под ним — целая пустыня.

Айлэ перестала смеяться.

— Кто ты?

— Фанки. Мне нужен кто-то, кто умеет превращать воздух в звук.

— Я не превращаю. Я просто танцую.

— Тогда станцуй со мной, — сказала Фанки.

Айлэ прищурилась.

— Ты не умеешь.

— Я не умею. Но я умею слушать. Веди.

И Айлэ, к своему собственному изумлению, повела. Она

начала медленно, босиком по бетону, и Фанки — в своих дурацких платформах, в клёше, с серьгами-диско-шарами — пошла за ней. Это было нелепо. Это было смешно. Фанки спотыкалась, Айлэ смеялась, Бруно отбивал ритм ладонями по коленям, и постепенно — само собой — вокруг них поднялся ветер.

Он был тёплый. Он пах песком и закатом. Он развеял серую дымку над крышей, и на секунду Фанки увидела город таким, каким он был раньше: живым, пульсирующим, полным ритма.

Она остановилась, тяжело дыша. Айлэ стояла напротив и смотрела на неё с чем-то новым в глазах.

— Я ищу брата, — сказала Айлэ вдруг. — Он ушёл в этот город и пропал. Я не за музыкой пришла.

— Знаю, — сказала Фанки. — Ты за тем, чтобы тебя услышали.

Айлэ долго молчала.

— Ладно, — сказала она наконец. — Один концерт.

— Один концерт, — кивнула Фанки, и они ударили по рукам, как дети.

Вечером они сидели в гараже Бруно — Фанки, Бруно, Юки, Айлэ. Кот Метроном, серый, с хвостом-метрономом, пришёл сам, улёгся на усилитель и сделал «Тик».

— Он не наш, — сказала Юки.

— Он ничей, — сказал Бруно. — Поэтому наш.

Фанки смотрела на них — на этих четверых, таких разных, таких «сбитых с бита», — и чувствовала, как внутри, там, где было пусто, начинает что-то собираться. Медленно. По кусочку.

Она взяла «Любовь-4000» и ударила по струнам. Впервые за три недели нота пришла — не идеальная, дрожащая, но своя.

— Значит так, — сказала она. — Завтра концерт в Сером районе. Там почти никто не слышит музыку. Но мы попробуем.

— Почему там? — спросила Юки.

— Потому что если мы сможем раскачать мёртвый район, — сказала Фанки, — мы сможем раскачать всё.

Бруно поднял ковш.

— За сытых и за спасённых!

— За то, чтобы ошибаться, — сказала Юки, и все уставились на неё. — Что? Я готовлюсь.

Айлэ рассмеялась и ударила в дарбуку.

И в этот момент — среди смеха, супа и первых настоящих нот — Фанки услышала это.

Далеко. На самой границе. Серый шёпот. Как будто кто-то очень тихо, очень аккуратно гасил звук — район за районом, нота за нотой.

Она замерла. Улыбка осталась на лице, но глаза стали серьёзными.

— Фанки? — спросил Бруно. — Что такое?

— Ничего, — сказала она и улыбнулась шире. — Просто… кажется, у нас скоро будет много работы.

Она не сказала им, что этот шёпот был знакомым. Она слышала его однажды — очень давно, в ночь, когда ушёл Дядя Бум.

И тогда, и сейчас он звучал как тишина, у которой есть имя.

Глава 2. Первый концерт в Сером районе

Серый район начинался сразу за трамвайным кольцом — и Фанки поняла это раньше, чем увидела.

Сначала пропал звук трамвая. Тот самый «та-да-да-ДАМ» на повороте, который она слышала всю жизнь. Вагон дёрнулся, звякнул и покатился дальше — но в тишине. Как будто кто-то выдернул шнур.

— Приехали, — сказал Бруно.

Они стояли на границе. За спиной шумел Ритмоград: перекликались вывески, цокали каблуки, где-то ругался продавец, где-то смеялась компания. А впереди — три квартала домов, выкрашенных в цвет мокрого картона. Фонари не мигали. Окна не светились. Даже дождь здесь падал беззвучно, как в немом кино.

— Жутко, — сказала Айлэ. Она стояла босиком на холодном асфальте и впервые за всё время не улыбалась. — Здесь ветер не дышит.

— Здесь вообще ничего не дышит, — сказала Юки, поправляя очки. Голограмма на стекле мигнула тревожно-красным. — Показатели звука… — она постучала по запястью, — ниже плинтуса. Это не тишина. Это вакуум.

Фанки приложила ладонь к груди. Внутри всё ещё было

шатко — грув вернулся, но держался на честном слове, как суп на корочке хлеба. Она сделала вдох.

— Ладно. Значит, так. Мы играем, они слушают, район просыпается. План простой.

— План дурацкий, — раздалось сзади.

Все обернулись.

По тротуару, цокая по плитке, шёл рыжий верзила в килте поверх джинсов. За спиной у него торчала волынка, на плече висела электрогитара, а на предплечье — татуировка нотного стана. Он остановился, оглядел бэнд и хмыкнул.

— Вы, значит, те самые, кто «настраивает город». Наслышан. — Он сплюнул в сторону, но как-то уважительно. — Горди МакГрай. Волынка. И гитара, когда волынка устаёт бесить людей.

— Ты сам пришёл, — заметила Юки.

— Я пришёл посмотреть, как вы опозоритесь, — сказал Горди. — А потом, может, спасу. У меня волынка такой район за пять минут разбудит.

— Волынка такой район за пять минут в могилу сведёт, — сказала Юки.

— Это и есть разбудить!

— Так, — Фанки встала между ними. — Стоп. Вы оба правы. И оба неправы. Но сначала — концерт.

Горди посмотрел на неё сверху вниз. Потом на серые дома. Потом снова на неё.

— Ладно, — сказал он. — Один концерт. Но если после

него они не проснутся, я играю соло.

— Заметано.

Площадку нашли в центре района — маленький сквер с сухим фонтаном и сценой, на которой когда-то, судя по афишам, выступали. Афиши выцвели до состояния серой бумаги, но Фанки разобрала: «БАЛ».

— Бал, — сказала она. — Здесь когда-то танцевали.

— Теперь тут даже вороны не каркают, — сказал Бруно. Он уже выгружал аппаратуру и, судя по всему, собирался кормить всех бутербродами, потому что «играть на голодный желудок — это неуважение к басу».

Они расставились. Юки подключила синтезатор, Айлэ разложила дарбуку и конги, Горди настроил волынку с видом полководца, готовящегося к битве. Бруно встал со своей гигантской гитарой, Фанки взяла «Любовь-4000».

Кот Метроном запрыгнул на колонку, свернулся и сделал «Тик».

— Ну, — сказала Фанки. — Поехали.

Она ударила по струнам.

Первые ноты ушли в серую пустоту. Фанки пела — громко, как умела, как всегда пела для полных залов, — и её голос метался между домами и не находил ни одного отклика. Ни эха. Ни шороха. Ни вздоха.

Прохожие шли мимо. Не оборачивались. Один мужчина

в сером пальто прошёл прямо перед сценой, глядя в телефон без звука. Женщина с сумкой остановилась, посмотрела сквозь них — да, именно сквозь, как будто бэнд был стеклянным, — и пошла дальше.

— Громче! — крикнул Горди и рванул волынку.

Волынка завыла. Честное слово, завыла — так, что у Фанки заложило уши. Бруно врезал по струнам, Айлэ ударила в конги, Юки выкрутила синтезатор на полную. Стены домов дрогнули. Из окна на третьем этаже вылетела рама и с грохотом упала на асфальт.

И ничего.

Люди даже не вздрогнули. Они просто шли — серые, медленные, беззвучные. Как будто музыки не существовало. Как будто её вычеркнули.

Горди опустил волынку. На его лице было выражение человека, которого только что освистали.

— Они не слышат, — сказал он тихо. — Мы им вообще…

— Мы играем слишком громко, — сказала Юки.

— Мы играем слишком тихо, — сказал Горди.

— Мы играем не для них, — сказала Фанки.

Все замолчали.

Фанки смотрела на площадь. На людей, которые проходили мимо. На дома, которые не отвечали. И вдруг — в самом углу сквера, на скамейке у сухого фонтана — она увидела его.

Старик.

Он сидел один, в пальто с поднятым воротником, и держал на коленях старый приёмник. Беззвучный, как всё здесь. Но его пальцы — его пальцы! — чуть заметно двигались по корпусу. Как будто он отбивал ритм, которого больше не было.

Фанки приложила ладонь к груди. И услышала.

Слабое. Дребезжащее. Но живое. У старика был ритм — вальс, медленный, чуть печальный, старый, как его пальто. Он помнил музыку. Даже когда всё вокруг забыло.

— Вот, — сказала Фанки. — Для него.

— Что? — не поняла Юки.

— Играем не для толпы. Для одного. — Фанки кивнула на старика. — Вон он. Он единственный, кто ещё слышит.

Горди посмотрел на старика и нахмурился.

— Из-за одного старика весь концерт?

— Именно, — сказала Фанки. — Ты когда-нибудь видел, как зажигается одна лампочка? Сначала она одна. Потом от неё — вторая. Потом весь квартал.

— Это красиво, — сказала Айлэ. — Но как?

Фанки задумалась. Потом повернулась к Горди.

— Ты. Волынка. Играй не «назло». Играй для него. У него в ритме — вальс. Ты умеешь вальс?

— Я шотландец, — оскорбился Горди. — Я умею всё, где нужно дуть и страдать.

— Тогда играй. Тихо. Медленно. Как будто рассказываешь ему что-то на ухо.

Горди поднял волынку. Он не завыл — он запел. Тихо, протяжно, старую мелодию, которую, наверное, знал наизусть, потому что она была у него в крови. И Фанки увидела, как старик поднял голову.

Юки, не дожидаясь команды, подхватила — мягкими аккордами, без выкрутасов. Бруно вступил ниже — не двигая дома, а просто держа низ, как фундамент. Айлэ ударила в дарбуку — сначала редко, потом чаще, но всё равно бережно, как будто боялась спугнуть.

А Фанки запела. Не громко. Без вибраций и форсажа. Просто — как будто говорила с ним лично. Про город, который устал. Про свет, который ещё остался. Про то, что если мир сбился с ритма — мы его настроим.

И старик заплакал.

Не от горя. От узнавания. Он прижал приёмник к груди, и его пальцы — те самые пальцы — нашли ритм. Раз. Два. Три. Вальс.

Скамейка под ним чуть заметно качнулась. Потом фонарь над его головой мигнул. Один раз. Тускло. И загорелся.

— Смотрите, — выдохнула Айлэ.

Окно на втором этаже моргнуло. Потом на третьем. Дождь над сквером перестал быть беззвучным — он застучал, тихо, осторожно, в такт дарбуке. Женщина с сумкой, та самая, остановилась. Обернулась. Постояла. И вдруг сделала шаг — один, неуверенный, — в сторону сцены. Потом второй.

Мужчина в сером пальто опустил телефон. Он смотрел на

сцену так, будто впервые за долгое время что-то услышал.

Горди играл и плакал. Он бы потом никогда в этом не признался, но слёзы текли по его рыжей бороде, и он даже не вытирал их, потому что обе руки были заняты волынкой. Юки смотрела на него поверх очков и играла — и в её аккордах было что-то, чего раньше не было. Не точность. Жизнь.

Старик встал. Медленно, держась за спинку скамейки. И — невероятно — сделал па вальса. Один. Два. Три. Как будто ему было двадцать.

И район ответил.

Не весь сразу. По кусочку. Загорелось окно, потом ещё одно. Фонари на площади вспыхнули разом — и Фанки увидела, что они не серые. Они были жёлтые, тёплые, как свет из детства. Из водосточной трубы донеслось «дзынь» — первый живой звук за долгие месяцы. Где-то залаяла собака. Где-то хлопнула дверь.

А потом зазвонил трамвай. Далеко, за кольцом, но Фанки услышала: «та-да-да-ДАМ».

Она засмеялась прямо в микрофон, и это было не по плану, и это было лучшее, что она делала за три недели.

Когда они закончили, на площади стояло человек двадцать. Немного. Но они стояли — и хлопали. Тихо, неуверенно, как люди, которые разучились хлопать и теперь вспоминали, как это делается.

Старик подошёл к сцене. Он долго смотрел на Фанки, потом достал из кармана что-то маленькое и вложил ей в ладонь.

Это была монета. Стёртая, старая, с выбитой нотой.

— Я танцевал здесь, — сказал он хрипло, — в шестьдесят третьем. С женой. — Он помолчал. — Она умерла в позапрошлом году. И музыка умерла вместе с ней. — Он посмотрел на загоревшиеся фонари. — А вы её… нашли.

Фанки сжала монету.

— Спасибо, — сказала она. — Вы её нашли. Мы только играли.

Старик кивнул и ушёл — медленно, но уже не сгорбленно.

Горди вытирал лицо рукавом килта, делая вид, что ему просто жарко.

— Нормально сыграли, — буркнул он.

— Ты плакал, — сказала Юки.

— Это волынка. В ней конденсат.

— Конечно.

— Я остаюсь, — сказал Горди вдруг. — В бэнде. Кто-то же должен вас будить, когда вы слишком осторожничаете.

Фанки улыбнулась. Но не успела ответить.

— Возьмите меня.

Все обернулись.

Из тени у фонтана вышел парень в кепке задом наперёд. Цепь из старых монет на груди, кроссовки со светящейся подошвой. Он тараторил так быстро, что слова догоняли друг

друга.

— МС Вихрь, Виктор, можно V, можно Вихрь, я читаю, я битбоксю, я могу хайпить толпу так, что сто человек дышат в один бит, проверено, у меня есть кричалка про трамвай, про район, про всё, возьмите, я слышал вас из-за кольца, у меня аж подошвы засветились!

Он выдохнул. Потом добавил тише:

— Пожалуйста. Мне… мне нужно быть где-то.

Фанки смотрела на него. В его ритме было столько всего сразу — пулемёт, барабан, сто слов в минуту, — что она почти оглохла. Но под этим она услышала другое. Одиночество. И страх тишины.

— Умеешь молчать? — спросила она.

Вихрь замер.

— В смысле… сейчас?

— В смысле вообще. В бэнде нужно уметь молчать. Иногда пауза — это тоже рифма.

Вихрь открыл рот. Закрыл. Открыл снова. И вдруг — впервые в жизни, судя по его лицу, — не нашёл слов.

— Я… попробую, — сказал он наконец.

— Тогда добро пожаловать, — сказала Фанки.

И тут же, почти без паузы, из тени выступил второй.

Он двигался бесшумно. Смуглый, с узором из барабанных палочек на предплечьях, с обсидиановым амулетом на шее. Он молчал так основательно, что казалось — он здесь уже давно и просто ждал, когда его заметят.

— Тепо, — сказал он. Голос низкий, спокойный. — Барабаны. Я слушал.

— И? — спросила Фанки.

Тепо посмотрел на площадь. На загоревшиеся окна. На старика, который уже дошёл до угла.

— Вы разбудили одного человека, — сказал он. — Район проснулся следом. Так и должно быть. — Он помолчал. — Духи ритма говорили мне, что здесь кто-то играет «по правде». Я пришёл проверить.

— Проверил?

— Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.